

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-204-214

EDN: QERMEZ

Образовательная политика как инструмент формирования идентичности: поиск баланса между традицией и модернизацией*

М.В. Субботина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: subbotina-mv@rudn.ru)

Аннотация. В статье рассматривается трансформация российской образовательной политики как стратегического инструмента формирования национальной идентичности в условиях глобальной конкуренции. Автор анализирует ключевое противоречие — между традиционной парадигмой, ориентированной на воспитание патриотизма, трансляцию культурных ценностей и укрепление государственного суверенитета, и модернизационной парадигмой, нацеленной на развитие конкурентоспособных компетенций, индивидуализацию и интеграцию в глобальный контекст. Взаимодействие и конфликт парадигм создают интеллектуально-политическое напряжение, выражающееся в ключевых бинарных оппозициях: «национальное–глобальное», «патриотизм–космополитизм», «фундаментальность–практикоориентированность», «коллективное–индивидуальное». В контексте этих противоречий и ведется поиск баланса в российской образовательной политике. В статье выделены этапы этого поиска и баланса: радикальная модернизация 1990-х, технократическая централизация 2000-х, консервативный поворот 2010-х, а в 2020-е — целенаправленное конструирование «суверенной» образовательной модели. В статье обозначены три вектора этой политики: институциональная унификация (введение единых образовательных программ и учебников), системная идеологизация воспитательной работы и структурная перестройка высшей школы с отказом от Болонской системы. Автор выявляет внутренние противоречия гибридной модели, которая пытается совместить технологическую модернизацию и развитие критического мышления с жесткой ценностной индоктринацией. Отмечены риски данной модели (перегрузка системы, девальвация педагогических методов) и ее потенциальные возможности (использование цифровых инструментов для укрепления культурного наследия). Делается вывод о переходе образовательной политики к гибридному моделированию, успех которого будет зависеть от гибкости и содержательной интеграции двух парадигм.

Ключевые слова: образовательная политика; российская идентичность; традиционная парадигма; модернизационная парадигма; суверенитет образования; патриотическое воспитание

*© Субботина М.В., 2026

Статья поступила в редакцию 04.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Для цитирования: Субботина М.В. Образовательная политика как инструмент формирования идентичности: поиск баланса между традицией и модернизацией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 204–214. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-204-214> EDN: QERMEZ

Сегодня страны, прежде всего технологически и экономически развитые, ведут непрерывную борьбу за привлечение и удержание человеческого капитала — наиболее одаренных ученых, инженеров, предпринимателей, творческой молодежи. Эта борьба связана с концепцией «мягкой силы» (soft power), где ключевую роль играет притягательность национальной культуры, языка, образа жизни и, что особенно важно, образовательной системы [14], т.е. образование становится стратегическим ресурсом в геополитическом соревновании.

Для России данный вызов имеет амбивалентный характер: с одной стороны, существует риск «утечки умов» и культурного подчинения глобальным стандартам государствами; с другой стороны, открывается возможность консолидировать вокруг себя цивилизационно близкие сообщества, предложив им привлекательную модель развития, основанную на собственных ценностях и традициях. В этих условиях внутренняя образовательная политика влияет на международный статус страны: она должна не только готовить высококвалифицированных специалистов, но и формировать у новых поколений устойчивую российскую идентичность, духовные ориентиры и современные компетенции. Поиск баланса между *традицией*, обеспечивающей связь поколений и культурную независимость, и *модернизацией*, необходимой для технологического прорыва и глобальной конкурентоспособности, становится центральной дилеммой.

Еще несколько лет назад в публичном дискурсе доминировала трактовка образования как «услуги», формирующей «человеческий капитал» (1), но сегодня на первый план вновь выходит цивилизационная и социально-консолидирующая миссия образования [6] — не только источника знаний и компетенций, но и социального лифта, работающего на укрепление национального единства, и «фабрики смыслов», «производящей» лояльных граждан. В отличие от разрозненных действий СМИ, культуры и общественных организаций, система образования обладает уникальными чертами для решения этих задач: универсальна (охватывает практически все молодое поколение), длительно воздействует на личность, структурно организована (программы и стандарты) и легитимна (государственно-общественный характер) — это делает ее мощным инструментом целенаправленного воздействия на коллективное сознание. Однако один из спорных и актуальных вопросов — образование должно в первую очередь воспроизводить и укреплять сложившуюся национально-культурную общность («консервативная функция») или

же готовить человека к жизни в быстро меняющемся глобальном мире («инновационная функция») [12].

Анализ современной образовательной политики требует четкого различения двух конкурирующих парадигм, определяющих ее цели, методы и ценностные основания, — традиционная и модернизационная парадигмы — фундаментальные и противоположные подходы к пониманию роли образования в обществе [10]. Традиционная парадигма рассматривает образование, прежде всего, как институт преемственности, ключевая миссия которого состоит в трансляции следующим поколениям единой системы культурных норм, исторических нарративов и гражданских ценностей, т.е. цель образования — формирование гражданина-патриота, чья личная идентичность неразрывно связана с коллективной судьбой нации и государства. Знаниево-ориентированный подход делает акцент на фундаментальности, системности знаний и дисциплине ума как основе мировоззрения; основа парадигмы — идеи воспитания, где центральной фигурой является учитель-наставник, передающий не только знания, но и образцы поведения. Ключевые ценности парадигмы — коллективизм, служение Отечеству, уважение к историческому наследию и приоритет духовно-нравственных ориентиров над утилитарными навыками. Образование служит механизмом укрепления социокультурной целостности и противостояния фрагментации общества [2].

Модернизационная парадигма исходит из логики экономической эффективности и индивидуальной успешности в условиях глобальной конкуренции. Главная цель парадигмы — производство конкурентоспособного, мобильного и креативного специалиста («человека капитала» или «человека обучающегося» — *lifelong learner*), способного адаптироваться к быстро меняющимся требованиям рынка труда и технологий [9]. Методологическое ядро — компетентностный подход, смещающий фокус с усвоения информации на формирование практических навыков (компетенций — критическое мышление, коммуникация, решение нестандартных задач), поэтому приоритетны методы индивидуализации, проектной и исследовательской деятельности, ориентация на запросы учащихся и работодателей. Ценностный ряд парадигмы формируют инновационность, конкуренция, прагматизм и установка на глобальную интеграцию, где образование трактуется как сфера услуг, инвестиций в человеческий капитал [11].

Взаимодействие и конфликт двух парадигм порождают напряженность, которую можно представить как ряд бинарных оппозиций. Ось «национальное–глобальное» определяет выбор: должно ли образование укреплять суверенитет или готовить человека к жизни в мире без границ. Ось «патриотизм–космополитизм» ставит вопрос о векторе лояльности: служение национальному государству или идентификация с общечеловеческими ценностями и глобальным профессиональным сообществом. Оппозиция

«фундаментальность — практикоориентированность» касается содержания образования: приоритет системного научного знания или быстро реализуемых компетенций? И, наконец, противоречие «коллективное–индивидуальное» затрагивает суть образовательного процесса — в первую очередь это инструмент формирования сплоченного общества («мы») или платформа для раскрытия личностного потенциала («я»)? В пространстве этих оппозиций разворачивается основная дискуссия о возможностях баланса в российской образовательной политике.

Динамика соотношения традиционной и модернизационной парадигм в российской образовательной политике носит поэтапный характер, который отражает наиболее широкие социокультурные и политические трансформации. Так, 1990-е годы — «радикальная модернизация» и дезинтеграция единого пространства: период кардинального разрыва с советской образовательной моделью под лозунгом деидеологизации и демократизации. Государство, переживающее глубокий системный кризис, ослабило централизованное управление, что привело к всплеску институциональной и содержательной вариативности. Стратегическим выбором стал курс на интеграцию в глобальное образовательное пространство, ознаменовавшийся подготовкой к вступлению в Болонский процесс. Однако параллельно с отказом от советского воспитательного компонента произошла утрата консолидирующей культурно-идентификационной функции: образование, ориентированное на либеральные ценности и западные образцы, в массовом сознании стало ассоциироваться не столько с созиданием будущего, сколько с утратой социальных смыслов, создав в долгосрочной перспективе запрос на «возврат к истокам» [4].

2000-е годы — поиск «управляемой модернизации» через централизацию и стандартизацию: государство взяло курс на восстановление управляемости системы, но в рамках новой технократической парадигмы [7]. Ключевым инструментом стало внедрение общенациональной системы оценки — ЕГЭ и ГИА, которые преследовали двоякую цель: обеспечить «объективную» измеримость образовательных результатов и создать формально справедливый социальный лифт [1]. В рамках приоритетных национальных проектов началась масштабная материально-техническая модернизация (интернетизация, оснащение лабораторий) [13]. На фоне укрепления государственного суверенитета в образовательной политике возобновляется дискуссия о воспитательной роли школы, что свидетельствовало о нарастающем осознании ограниченности технократического подхода и необходимости поворота к традиционной парадигме.

2010-е годы — «консервативный поворот» и противоречивый синтез, целенаправленная ретрадиционализация ценностного содержания образования при формальном сохранении многих модернизационных инструментов [3]. Поворот был законодательно закреплён в Федеральном законе «Об образо-

вании в Российской Федерации» (2012), впервые за десятилетия определившим воспитание как неотъемлемую часть образовательного процесса (2). «Основы государственной культурной политики» (2014) (3) провозгласили защиту традиционных ценностей и российской культурной идентичности, что выразилось в приоритете исторического просвещения, включая школьные «Разговоры о важном». Однако параллельно продолжается и даже усиливается курс на цифровизацию, развитие «гибких навыков» (soft skills), поддержку талантливой молодежи через конкурсы и проекты, что соответствует логике модернизационной парадигмы. Таким образом, была предпринята попытка создать гибридную модель, где технологические инструменты модернизации (от цифровых платформ до компетентностных олимпиад) должны служить целям укрепления традиционных ценностей и государственного суверенитета, что порождает постоянное внутреннее напряжение в системе образования.

2020-е годы — формирование «суверенной» образовательной модели и системная идеологизация: продолжений тенденций предшествующего десятилетия, но наметился и качественный перелом в образовательной политике — радикализация традиционной парадигмы в интересах государственно-патриотических ценностей [8]. Если 2010-е можно охарактеризовать как период синтеза, то сегодня мы наблюдаем целенаправленное конструирование «суверенной» системы образования как главного института идеологической мобилизации в условиях геополитической конфронтации через три взаимосвязанных процесса — институциональную унификацию, системная идеологизация и формальный разрыв с глобальными стандартами.

Так, начался переход от регулирования к прямому администрированию содержания образования. Ключевым его инструментом стало введение в 2023 году обязательных для всех школ Федеральных основных образовательных программ (ФООП), которые минимизируют вариативность учебных планов, особенно в гуманитарной сфере (4). Параллельно идет создание единой линейки учебников, призванных обеспечить идеологическую монополию на интерпретацию истории, литературы и обществознания. Этот курс на внутреннее единообразие сопровождается разрывом с международными системами: выход из Болонского процесса (2022) (5) и приостановка участия в исследованиях PISA (6) и TIMSS (7). Формируется самодостаточная образовательная экосистема, ориентированная исключительно на внутренние задачи.

Патриотическое воспитание трансформировалось из частного компонента в ключевой принцип организации школьной жизни. Еженедельные «Разговоры о важном» стали каналом коммуникации государства с учащимися, формируя заданную трактовку текущих событий и ценностей. Возвращение в учебные планы 10–11 классов начальной военной

подготовки (НВП) говорит о переходе от абстрактного патриотизма к практической логике гражданской обороны и личной сопричастности к ней (8).

Структурная перестройка высшей школы стала ответом на вызовы технологического суверенитета. Отказ от Болонской системы — лишь признак глубоких трансформаций: основной формой высшего образования вновь объявлен специалитет, что означает возврат к советской модели длительной узкопрофильной подготовки кадров. Эта мера направлена на прекращение «утечки мозгов» и удержание человеческого капитала внутри национальной экономики. Однако параллельно с идеологической консервацией содержания образования сохраняется и даже усиливается курс на технологическую модернизацию, поддержку IT-сферы, развитие «гибких навыков» и цифровых образовательных платформ. Попытки совместить жесткую ценностную индоктринацию с подготовкой инновационных специалистов создают перманентное напряжение в вузовской среде — между задачами идеологического характера и требованиями креативности и критического мышления, необходимыми для технологического прорыва.

Таким образом, период 2020-х годов знаменует отказ от парадигмы «управляемой модернизации» в пользу проекта «суверенизации» образования. Система все более четко ориентируется на формирование лояльного патриота и подготовку кадров для изолированной, но технологически развивающейся экономики. Этот поворот делает напряжение между традицией и модернизацией не предметом дискуссии, а встроенным в систему образования конфликтом (инструменты цифровой эпохи вынуждены служить целям национально-традиционного возрождения).

Противоречие между традиционной и модернизационной парадигмами находит выражение в конкретных элементах образовательной системы, порождая гибридные формы и зоны напряженности.

Содержание образования: канон против компетенций. В содержании образования наблюдается структурный дуализм: с одной стороны, под влиянием традиционной парадигмы происходит целенаправленное укрупнение и идеологическое насыщение курсов отечественной истории и литературы как главных «культурных скреп», создается «золотой канон» текстов и исторических нарративов, призванных консолидировать российскую нацию. С другой стороны, в учебные планы активно внедряются элементы из модернизационной повестки (основы проектной деятельности, принципы STEM-образования), призванные развивать критическое мышление, креативность и практические навыки, что отвечает логике подготовки кадров для инновационной экономики (9).

Воспитательная работа: ценностный контекст современных форматов обучения. Сфера воспитательной работы наиболее ярко иллюстрирует попытку наполнения модернизационных форм традиционным содержанием. Государство инициирует и поддерживает общенациональные проекты,

которые служат прямым каналом трансляции государственной идеологии и патриотических ценностей. Масштабные движения «Большая перемена» и «Движение первых», формально поощряющие лидерство, творчество и социальную активность, имеют выраженный патриотический компонент и используются как инструмент формирования лояльной инициативной молодежи, при этом сохраняя и развивая типично модернизационные практики (волонтерство, экологические инициативы, предпринимательские челленджи). Ключевое отличие от 2000-х годов состоит в том, что вся эта деятельность встроена в заданный ценностно-идеологический контекст, что превращает ее из пространства спонтанной гражданской самоорганизации в управляемую форму социальной активности, направленную на укрепление общественной солидарности вокруг официальных приоритетов.

Система оценки (ЕГЭ): технологичный инструмент в идеологическом поле. ЕГЭ остается наиболее устойчивым институтом модернизационной парадигмы, воплощая принципы стандартизации, технологичности и формального равенства возможностей, выполняя функцию объективного (в метрологическом смысле) измерителя знаний и важнейшего социального лифта. Однако он постоянно подвергается критике с позиций традиционной парадигмы, поскольку, особенно в гуманитарных дисциплинах, поощряет «натаскивание» на тесты в ущерб целостному, глубокому освоению предмета и развитию способности к самостоятельным суждениям. Это противоречие приводит к перманентным, хотя пока не кардинальным, изменениям формата экзамена (введение устной части по русскому и иностранным языкам, увеличение числа заданий с развернутым ответом по истории и обществознанию), которые представляют собой попытки адаптировать модернизационный инструмент к традиционной оценке знаний (10).

Высшая школа: структурный разрыв и содержательная амбивалентность. Выход из Болонской системы в 2022 году стал символическим окончательным отказом от модернизационной модели. Возврат к специалитету как базовой форме знаменует курс на создание замкнутой, продолжительной и узкопрофильной модели подготовки. Однако этот структурный консервативный поворот сочетается с парадоксально противоположной содержательной повесткой — декларируется и финансируется курс на усиление научно-исследовательской компоненты, поддержку передовых лабораторий и развитие технологического суверенитета, что требует от вузовской системы открытости к глобальным научным трендам, международному сотрудничеству (на новых основаниях) и формированию тех компетенций (критического мышления, инновационности), которые плохо встраиваются в жестко идеологизированную среду. Это создает фундаментальное напряжение для университетов, вынужденных в рамках одной системы решать задачи идеологического воспитания и подготовки креативного исследователя.

Попытка синтеза традиционной и модернизационной парадигм в рамках «суверенной» образовательной модели порождает комплекс системных рисков, но также открывает определенные возможности. *Возможные риски: от формального синтеза к институциональной перегрузке* — наиболее существенной угрозой является девальвация самой идеи синтеза, когда инновационные методы (проектная деятельность, цифровые платформы, развитие soft skills) используются как новый «язык» для трансляции жестко заданного консервативного содержания, порождая у учащихся цинизм и формальное отношение к обеим составляющим. Данный риск усугубляется системой двойных стандартов: декларируемые ценности коллективизма и служения могут вступать в противоречие с реальными практиками гиперконкуренции (олимпиады, рейтинги, ЕГЭ), а риторика технологического прорыва — с жесткими идеологическими ограничениями в гуманитарной сфере. Ключевым вызовом становится хроническая перегрузка системы и педагогов, которые вынуждены решать взаимоисключающие задачи: воспитывать лояльность и критическое мышление, готовить к службе Отечеству и к глобальному рынку труда, осваивать новые технологии в условиях контроля содержания.

Возможная перспектива: от конфликта к интеграции парадигм — несмотря на риски, гибридная модель содержит потенциал для формирования новой образовательной конфигурации, например концепции «открытого патриотизма», в которой гражданская идентичность строится не на изоляции и отрицании мирового опыта, а на глубоком понимании исторической и современной роли России в глобальном контексте. Центральным интегрирующим концептом может стать идея технологического суверенитета, где модернизация (цифровизация, научные исследования, инженерия) перестает восприниматься как угроза традиционным ценностям, а, напротив, рассматривается как главное условие их защиты и обеспечения национальной безопасности — так передовые компетенции становятся инструментом служения традиционной ценности государственного суверенитета. Наконец, цифровая среда, часто ассоциируемая с размыванием идентичности, может стать мощным инструментом ее укрепления через виртуальные музеи, цифровые архивы, образовательные платформы по изучению национального культурного и исторического наследия.

Таким образом, будущее российской образовательной политики зависит от того, удастся ли преодолеть риски формального, механического соединения традиционной и модернизационной парадигм посредством их содержательной интеграции, при которой новые технологические и методологические инструменты будут осмысленно и творчески направлены на решение исторически устойчивых задач национального развития. Успех этой масштабной институциональной инженерии будет зависеть не от скорости изменений, а от гибкости модели, ее способности избежать идеологической

ригидности, подавляющей интеллектуальный поиск, и обеспечить содержательное, а не показное обновление образовательных практик.

Для минимизации рисков в реализации гибридной модели необходимы: широкий и открытый общественно-профессиональный диалог о конкретном «образе будущего», который призвана обеспечивать система образования; системная поддержка и тиражирование тех педагогических практик, что демонстрируют эффективный синтез (например, использование цифровых инструментов для краеведческой работы); повышение профессионального и социального статуса педагога, поскольку он является главным агентом трансформации и вынужден ежедневно находить баланс между противоречивыми требованиями системы.

Примечания

- (1) В 2012 году был принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», где появилось понятие «образовательная услуга». В 2022 году оно было исключено из законодательства: в статьях закона термин «оказание государственных (муниципальных) услуг в сфере образования» был заменен на «финансовое обеспечение реализации образовательных программ/выполнения государственного или муниципального задания».
- (2) Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191362>.
- (3) Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70728330>.
- (4) Новый учебный год: законодательные поправки с 1 сентября 2023 года. URL: <https://www.garant.ru/article/1641700>.
- (5) Что означает выход из Болонской системы? URL: <https://sredaobuchenia.ru/media/bologna-system>.
- (6) Российские школьники будут жить не по PISA. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5270893>.
- (7) Россия не будет проводить международное исследование оценки знаний школьников TIMSS. URL: <https://habr.com/ru/news/722990>.
- (8) Вместо ОБЖ в школах появятся «Основы безопасности и защиты Родины». URL: <https://www.garant.ru/news/1680781>.
- (9) STEM-образование для подростков. Почему это ключевой навык для экономики. URL: <https://tamyrplatform.com/blog/stem-obrazovanie-dlya-podrostkov-pochemu-eto-klyuchevoj-navyk-dlya-ekonomiki>.
- (10) Заменят ли ЕГЭ традиционные экзамены в России. URL: <https://propostuplenie.ru/article/otmenjat-li-egje-v-2024-godu-v-rossii>.

Библиографический список

1. *Аванесов В.* Единый государственный экзамен в фокусе научного исследования // Педагогические измерения. 2006. № 1.
2. *Артемьев А.В.* Традиционная и компетентностная парадигма в образовании: просто о сложном // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 4.
3. *Бермус А.Г.* Концептуальные проблемы современного этапа модернизации педагогического образования в России // Непрерывное образование: XXI век. 2015. № 2.
4. *Гуркина Н.К.* История образования в России (X–XX века). СПб., 2001.
5. *Данилова Л.Н.* Педагогическое образование в Сингапуре: компетентностно-ценностный подход // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. № 3.

6. Золкин А.Л. Цивилизационная стратегия образования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2017. № 4.
7. Корнеев С.С. Влияние технократической парадигмы образования на формирование личности и мышления // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 5.
8. Лепехин В.А. Отечественная система образования в контексте проблемы цивилизационной безопасности РФ. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/5746>.
9. Любимцев К.В. Парадигма модернизации в социальной теории // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 4.
10. Миронова Н.В. Единство традиционализма и модернизации в современном образовании // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12.
11. Нарбеков Н.Н. Модульно-компетентностный подход в современном высшем образовании // Universum: технические науки. 2022. № 1–1.
12. Санникова О.В. Соотношение инновационного и традиционного в трансформации содержания образования // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. № 3.
13. Старкова Е.А. Приоритетный национальный проект «Образование»: понятие, содержание и цели // Science Time. 2014. № 11.
14. Nye J.S.Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1990.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-204-214

EDN: QERMEZ

Educational policy as a tool for identity formation: In search of a balance between tradition and modernization*

M.V. Subbotina

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: subbotina-mv@rudn.ru)

Abstract. The article considers the transformation of the Russian educational policy as a strategic tool for shaping national identity under global competition. The author identifies the key contradiction between the traditional paradigm, focusing on patriotism, cultural values and national sovereignty, and the modernization paradigm, focusing on competitive competencies, individualization and integration into the global context. The interaction and conflict of these paradigms determine intellectual-political tension expressed in such binary oppositions as “national–global”, “patriotism–cosmopolitanism”, “fundamental–practice-oriented”, “collective–individual”. It is within these contradictions that the search for balance in the contemporary Russian educational policy takes place. The author identifies the following historical stages in this search for balance: radical modernization of the 1990s, technocratic centralization of the 2000s, conservative turn of the 2010s, and development of the “sovereign” educational model in the 2020s with three vectors — institutional unification (unified educational programs and textbooks), systematic ideologization, and structural reorganization of the higher education after abandoning the Bologna system. The author reveals the internal contradictions of this hybrid model, which attempts to combine

* © M.V. Subbotina, 2026

The article was submitted on 04.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

technological modernization and critical thinking with rigid value indoctrination, and mentions both the risks of this model (system overload, devaluation of pedagogical methods) and its potential opportunities (the use of digital tools to strengthen cultural heritage). Thus, educational policy has entered a phase of conscious hybrid modeling, the success of which will depend on flexibility and integration of two paradigms rather than on ideological rigidity.

Key words: educational policy; Russian identity; traditional paradigm; modernization paradigm; educational sovereignty; patriotic education

For citation: Subbotina M.V. Educational policy as a tool for identity formation: In search of a balance between tradition and modernization. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 204–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-204-214> EDN: QERMEZ

References

1. Avanesov V. Ediny gosudarstvenny ekzamen v fokuse nauchnogo issledovaniya [The Unified State Exam in the focus of scientific research]. *Pedagogicheskie Izmereniya*. 2006; 1. (In Russ.).
2. Artemyev A.V. Traditsionnaya i kompetentnostnaya paradigma v obrazovanii: prosto o slozhnom [Traditional and competence-based paradigms in education: Simply about the complicated]. *Nauchnye Trudy Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta*. 2019; 4. (In Russ.).
3. Bermus A.G. Kontseptualnye problemy sovremennogo etapa modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniya v Rossii [Conceptual issues of the current stage of modernization of pedagogical education in Russia]. *Nepreryvnoe Obrazovanie: XXI Vek*. 2015; 2. (In Russ.).
4. Gurkina N.K. *Istoriya obrazovaniya v Rossii (X–XX veka)* [History of Education in Russia (10th — 20th Centuries)]. Saint Petersburg; 2001. (In Russ.).
5. Danilova L.N. Pedagogicheskoe obrazovanie v Singapure: kompetentnostno-tsennostny podkhod [Pedagogical education in Singapore: A competence-value approach]. *Voprosy Zhurnalistiki, Pedagogiki, Yazykoznaniiya*. 2022; 3. (In Russ.).
6. Zolkin A.L. Tsvivilizatsionnaya strategiya obrazovaniya [Civilizational educational strategy]. *Gumanitarnye Vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. 2017; 4. (In Russ.).
7. Korneenkov S.S. Vliyaniye tekhnokraticheskoy paradigmy obrazovaniya na formirovaniye lichnosti i myshleniya [The influence of the technocratic educational paradigm on the development of personality and thinking]. *Sibirskiy Pedagogicheskiy Zhurnal*. 2011; 5. (In Russ.).
8. Lepekhin V.A. Otechestvennaya sistema obrazovaniya v kontekste problemy tsivilizatsionnoy bezopasnosti RF [National education system in the context of the Russian civilizational security]. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/5746>. (In Russ.).
9. Lyubimtsev K.V. Paradigma modernizatsii v sotsialnoy teorii [Modernization paradigm in social theory]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskiy Region. Gumanitarnye Nauki*. 2007; 4. (In Russ.).
10. Mironova N.V. Edinstvo traditsionalizma i modernizatsii v sovremennom obrazovanii [Unity of traditionalism and modernization in contemporary education]. *Aktualnye Voprosy Sovremennoy Nauki*. 2010; 12. (In Russ.).
11. Narbekov N.N. Modulno-kompetentnostny podkhod v sovremennom vyshem obrazovanii [Modular-competence approach in contemporary higher education]. *Universum: Tekhnicheskie Nauki*. 2022; 1–1. (In Russ.).
12. Sannikova O.V. Sootnosheniye innovatsionnogo i traditsionnogo v transformatsii sodержaniya obrazovaniya [The ratio of the innovative and the traditional in the transformation of educational content]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2024; 3. (In Russ.).
13. Starkova E.A. Prioritetny natsionalny proekt “Obrazovanie”: ponyatiye, sodержaniye i tseli [The Priority National Project “Education”: Concept, content and goals]. *Science Time*. 2014; 11. (In Russ.).
14. Nye J.S.Jr. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. Basic Books; 1990.